

Тутъ у подъезда офицеры
Стоять всѣ въ рядъ, порою въ два...
Какія милыя манеры
И все отборныя слова!
Иныхъ улыбкой ободряешь,
Другихъ бранишь и отгоняешь.
За то, вернулись лишь домой—
Директоръ поретъ на убой!
Ни взгляды не думай бросить лишній,
Ни слова ты сказать не смѣй;
А самъ—прости ему Всевышній!—
Вѣдь ужъ какой

Но тутъ въ окно она взглянула
И чуть не брякнулась со стула:
Предъ ней, какъ призракъ роковой,
Съ нагайкой, освѣщенъ луной,
Готовый влѣзть почти въ окошко,
Стоитъ Монго, за нимъ Маѣшка.
«Что это значить, господа?

И кто васъ звать прійти сюда?
Ворваться къ дѣвушкамъ—безчестно!»
— Намъ, право, это очень лестно!..
«Я васъ прошу: подите прочь!»
— Но гдѣ же проведемъ мы ночь?
Мы мчались, выбились изъ силы...
«Вы неучи!»—Вы очень милы!
«Чего хотите вы теперь?

Ей-Богу, я не понимаю!»
— Мы просимъ только чашку чаю
«Панфишка, отвори имъ дверь!»

Поклонъ отвѣсивши пренизко,
Монго ей бросилъ нѣжный взоръ,
Потомъ садится очень близко
И продолжаетъ разговоръ.
Сначала колкіе намеки,
Воспоминанія, упрёки,
Ну, словомъ, весь любезный вздоръ...
И нѣжный вздохъ, прилично-томный,
Порхнулъ изъ груди молодой...

Маѣшка, другъ великодушный,
Застѣлъ поодаль на диванъ,
Угрюмъ, безмолвенъ, какъ султанъ.
Чужое счастье намъ скучно,
Какъ добродѣтельный романъ.
Друзья! ужасное мученье

(Быть) адъютантомъ на сраженіи
При генералишкѣ пустомъ;
Быть на парадѣ жалонеромъ
Или кадровымъ офицеромъ.
Но хуже, хуже во сто разъ
Встрѣчать огонь прелестныхъ глазъ
И думать: это не для насъ.

Межъ тѣмъ Монго горитъ и таетъ...

Вдругъ самый пламенный пассажъ
Зловѣщимъ стукомъ прерываетъ
На дворъ влетѣвшій экипажъ:
Девятилѣтная коляска
И въ ней пятнадцать сѣдоковъ...
Увы! печальная развязка—
Неотразимый гнѣвъ боговъ!..
То былъ Н. Н. съ своею свитой:
Степаномъ, Федоромъ, Никитой,
Тарасомъ, Сидоромъ, Петромъ...
Идутъ, шумягъ, орутъ.—Содомъ!
Всѣ пьяны, прямо изъ трактира...
И на устахъ (*о, стыдъ сказать*).
Но нѣтъ, постой, умолкни лира!
Тебѣ ль, поклонникъ мундира,
Поганыхъ фрачныхъ воспѣвать?

Въ истерикѣ младая дѣва:
Какъ защититься ей отъ гнѣва,
Куда гостей своихъ дѣвать—
Подъ столъ, въ комодъ, иль подъ кровать!
Въ комодъ мѣста нѣтъ и платью,
(*Полны картонки*) подъ кроватью...
Имъ остается лишь одно:
Перекрестясь, прыгнуть въ окно...
Опасенъ подвигъ дерзновенный
И не споситъ имъ головы;
Но въ мигъ проснулся духъ военный:
Прыгъ, прыгъ—и были таковы!..

Ужъ ночь была, ни зги не видно,
Когда, свершивъ побѣгъ обидный
Для самолюбья и любви,
Повѣсы на коней вскочили,
И думы мрачныя свои
Другъ другу вздохомъ сообщили.
Дѣля печаль своихъ господъ,
Ихъ кони съ рыси не сбивались,
Упрямо убавляя ходъ,
Они (*порою*) спотыкались,
И лѣность ихъ преодолѣть
Ни шпоры не могли, ни плетъ.

Когда же въ комнату дежурной
Они сошлись поутру,
Воспоминанья ночи бурной
Прогнали краткую хандру.
Тутъ много шутокъ, смѣху было,
И, право, Пушкинъ нашъ не вретъ
Сказавъ, что день бѣды пройдетъ,
А что пройдетъ, то будетъ мило...

Такъ повѣсть кончена моя,
И я прощаюсь со стихами;
А вы не можете ль, друзья,
Нравоученье сдѣлать сами...